

Секция «Востоковедение, африканистика»

Пределы политической трансформации Турции под властью Партии справедливости и развития

Шлык П. В.

Кандидат наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Москва, Россия

E-mail: shlykov@mail.ru

Приход к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Эрдогана в 2002 г. сразу вызвал дискуссию о будущем турецкой демократии и вероятной смене внешнеполитической ориентации «новой Турции». Первые 9 лет правления ПСР отчетливо показали, насколько противоречива и неоднозначна политическая стратегия и практика партии Реджепа Эрдогана. С одной стороны, откровенное стремление «подтянуть» Турцию до европейского уровня через экономические и административно-политические реформы в соответствии с «Копенгагенскими критериями» для вступления в ЕС. С другой – сочетание относительного успеха экономических реформ и стабильного экономического роста с разворачиванием репрессий против политических оппонентов и рост «узников совести» в 2008-2011 гг., очевидные отступления от принципов либеральной демократии, масштабы которых даже обеспокоили Еврокомиссию. Настойчивое стремление ПСР ввести в повестку общественно-политической дискуссии такие традиционные проблемы из риторики исламистов как снятие запрета на ношение платка-тюрбана или же отмена специальных правил поступления в ВУЗы для выпускников религиозных школ имамов-хатибов. В этот ряд можно поставить и многочисленные примеры фаворитизма по отношению к исламистским кадрам (людям, связанным с тарикатами, выходцам из организаций, подобных движению Милли Гёрюш, последователям Фетхуллаха Гюлена и т. д.), которые по всей стране планомерно заполняют различные административные посты (от глав муниципалитетов до директоров и руководителей образовательных учреждений).<?xml:namespace prefix = o ns = "urn:schemas-microsoft-com:office:office" />

В сфере внешней политики год от года кардинальные перемены также проявляются все более рельефно: ПСР отказалась от прежней модели «прозападной ориентации» – консенсусной солидарности со странами Западной Европы и США по вопросам мировой политики и международной безопасности. Вместо этого ПСР стремится строить внешнюю политику исключительно исходя из своего понимания текущих интересов Турции.

Подобные шаги, спорные и неоднозначные по своему характеру и последствиям, ПСР могла и может себе позволить благодаря широкой социальной базе партии и устойчивой поддержке электората. Все последние парламентские выборы – 2007 и 2011 гг. – ПСР только наращивала свой электоральный ресурс, что наводит на мысль о серьезной перестройке в политических и идеологических предпочтениях турецких избирателей и, в целом, турецкого общества. Серьезные социологические исследования и замеры показывают, что турецкое общество становится все более консервативным в ценностных ориентациях, более религиозным в своих моральных установках и более правым в политических пристрастиях. Учитывая эти новые характеристики турецкого общества, последние изменения во внутренней и внешней политике Турции уже не кажутся

неожиданными и искусственными.

Наиболее заметной и очевидной чертой социальных трансформаций 1990-х – начала 2000-х гг. стало взаимное пересечение и даже соединение неолиберализма и турецкого исламизма в самых неожиданных формах и секторах общественной жизни. Параллельно распространению неолиберальных идей и консерватизма в Турции происходил очевидный «подъем» различных джемаатов и обществ. Наиболее заметное проявление этого процесса – фактическая легитимация, а порой и намеренная сублимация разного рода религиозных общин и такрикатов, скомпрометированных и дискредитированных в первые годы Турецкой Республики, в форме организаций гражданского общества. Уход государства из экономической и отчасти социальной сферы или, выражаясь словами французского социолога Пьера Бурдьё, упразднение «левой руки государства» создали условия максимального благоприятствования для социально-политической активности религиозных движений и групп. За последние двадцать лет наряду с частными компаниями и фирмами религиозные общины-джемааты с энтузиазмом заполняли образующийся с уходом государства вакуум, особенно это касалось сферы образования и здравоохранения. На сегодняшний день почти у каждой религиозной общины есть свои не только вакфы, издательские центры, но и частные учебные заведения, медицинские центры, служащие целям расширения их социальной и финансовой базы.

Одно из важных направлений внутренней политики ПСР – ревизия устоявшейся модели военно-гражданских отношений и лишение военной элиты былой политической субъектности. Скандалы последних лет («Эргенекон», «Кувалда», «Даглыджа» и т. д.), массовые аресты действующих и отставных генералов и старших офицеров серьезно испортили репутацию армии и подорвали авторитет военной элиты, но все это не имеет столь большого значения как реформы, на проведении которых настаивает Брюссель. Именно эти преобразования, которые ПСР сделала одним из приоритетных направлений своей политики, постепенно подтачивают влияние военной элиты – всегда выступавшей «бастионом» кемализма и главным защитником светских основ Турецкой Республики – на общественную и политическую жизнь в стране.

От культуры военных переворотов, с завидной регулярностью сотрясавших страну (в 1960, 1971, 1980, 1997 гг. и т. д.), Турция переходит к практике «гражданских переворотов», их роль во многом пока еще недооценена, а механизм нередко остается вне поля зрения турецкой политической аналитики. Первым «гражданским переворотом», который не просто нарушил, но фактически отменил прежнюю, устоявшуюся систему сдержек и противовесов (как в политической, так и социальной системе страны), стало избрание на пост президента Абдуллаха Гюля в 2007 г. Хотя президент в Турции – фигура в большей степени номинальная, но в его компетенции назначение и членов Конституционного суда, и ректоров университетов, и главных судей, и директора Совета по высшему образованию – иными словами, кадровые вопросы в структурах, отвечающих за формирование и функционирование турецкого общества. Вторым примером «гражданского переворота» может считаться масштабная кадровая чистка руководства вооруженными силами в 2010 и 2011 гг.

Во внутренней политике ПСР не требуется какая-либо государственная программа исламизации Турции: Фетхуллах Гюлен и его последователи, а также многочисленные тарикаты уже давно ведут масштабную работу по внедрению исламского образа жизни. Тарикаты, Гюлен и правительство не только разрушают устоявшуюся социальную мат-

рицу турецкого общества, но и перестраивают концепцию государственного устройства и внешней политики. Международные отношения Турции с другими ключевыми странами обрастают скандалами и популистскими действиями Анкары.

Операция по демонтажу основ кемалистской республики, политических, экономических и социальных норм кемалистского строя требует времени, и основные силы исламистских движений в Турции, по-видимому, полагают, что время на их стороне.

На сегодняшний день отсутствуют сколь-нибудь серьезные политические силы способные отстранить ПСР от власти. Потенциал кемалистов – это максимум 30% поддержки электората, что красноречиво показали результаты выборов 2007 и 2011 гг. Возможность отвлечь от ПСР часть избирателей может возникнуть только в результате резкого ухудшения экономического положения в стране. Пока Турция демонстрирует экономический рост, но экономика страны, как показывают последние исследования, перегрета.

ПСР планирует оставаться у власти до 2020 г. (еще как минимум на два выборных цикла). Сейчас для нее на первом месте находится вопрос разработки и принятия новой Конституции, которая должна, по мысли руководства партии, обеспечить переход к президентской форме правления, предусматривающей расширение полномочий главы государства по американскому или французскому образцу. Для Эрдогана третий срок на посту премьера и лидера партии является последним, поэтому он и делает ставку на свое избрание президентом в будущем. В случае реализации проекта новой Конституции Эрдоган сможет оставаться у власти до 2025 г. 15 лет – довольно значительный срок, за который может произойти существенная модификация ценностей турецкого общества. Не случайно в общественно-политическом дискурсе все чаще звучит тезис о «Новой Турции», который в свое время широко использовали кемалисты в 1920-е и 1930-е гг. (знаменитое «Путь новой Турции» Ататюрка). Однако сейчас это выражение приобретает совершенно иное содержание.